

УДК: 343.2.7

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10001

Долгиева Мадина Муссаевна
старший прокурор отдела
государственных обвинителей
Уголовно-судебного управления
прокуратуры Московской области
младший советник юстиции
кандидат юридических наук
E-mail: novator111@mail.ru

Dolgieva Madina Mussaevna
senior prosecutor of Department
of public prosecutors of criminal judicial
control of Prosecutor's office of Moscow
region the Junior adviser of justice
candidate of law
E-mail: novator111@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ

Введение: в статье рассматриваются специфические вопросы квалификации преступлений, связанных с хищениями криптовалюты, хищениями денежных средств, совершаемых с использованием криптовалюты, а также коррупционные преступления, предметом которых является криптовалюта. Автором исследуются понятия криптовалюты и имущества в рамках существующих научных мнений и анализируется судебная практика, которая, в частности, имеет тенденцию к причислению криптовалюты к видам имущества.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляет гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Цели и задачи исследования заключаются в определении круга признаков и свойств предметов преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, а также совершаемых в отношении криптовалюты как объекта посягательства. При подготовке статьи использовались в основном формально-логические методы.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения, касающиеся юридической характеристики деяний, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, и определить, что основным признаком предмета преступления, совершаемого в сфере оборота криптовалюты, является наличие его имущественных и стоимостных характеристик, возможность определения ущерба в целях правильной квалификации содеянного.

Выводы и заключения: автором обосновывается вывод о том, что криптовалюта может являться как предметом хищения, так и предметом коррупционного преступления на основании научно обоснованного мнения о наличии оплаченного характера выгоды, которую предоставляют криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, хищение криптовалюты, мошенничество, взятка в криптовалюте, коррупционное преступление.

QUALIFICATION OF THE ACTS COMMITTED IN THE SPHERE OF CRYPTOCURRENCY

Introduction: the article deals with the specific issues of qualification of crimes related to the theft of cryptocurrency, theft of funds committed using cryptocurrency, corruption crimes are considered, the subject of which is cryptocurrency. The author studies the concepts of cryptocurrency and property within the framework of existing scientific opinions and analyzes judicial practice, which, in particular, tends to classify cryptocurrencies as types of property.

Materials and methods: the Normative basis of the research is the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation. The goals and objectives of the study are to determine the range of features and properties of the objects of crimes committed with the use of cryptocurrency, as well as committed against the cryptocurrency as an object of infringement. In the preparation of the article, mainly formal logical methods were used, as a result of which the author analyzes social and legal phenomena.

The results of the study: it allowed to clarify certain provisions concerning the legal characteristics of acts committed in the sphere of cryptocurrency turnover and to determine that the main feature of the assessment of the subject of the crime committed in the sphere of cryptocurrency turnover is the presence of its property and cost characteristics, the possibility of determining the damage in order

Conclusions and conclusions: the Author substantiates the conclusion that the cryptocurrency can be both the subject of theft and the subject of corruption crime on the basis of scientifically grounded opinion about the paid nature of the benefits provided by cryptocurrencies.

Key words: cryptocurrency, digital currency, theft of cryptocurrency, fraud, bribe in cryptocurrency, corruption crime.

Одним из интересных аспектов быстро растущего рынка криптовалют является изменчивость терминов, используемых для описания различных продуктов, которые входят в его сферу. Терминология используемая для описания криптовалют сильно варьируется: от цифровой валюты, виртуальной валюты, электронной валюты до виртуального актива, виртуального товара, цифровых финансовых активов.

Одними из наиболее распространенных действий в сфере оборота криптовалют со стороны регулирующих органов в Российской Федерации являются выпущенные правительством уведомления об опасностях и рисках использования криптовалют и инвестирования в криптовалютные рынки. Такие предупреждения в значительной степени предназначены для информирования граждан о

разнице между реальными валютами, которые выдаются и гарантируются государством, и криптовалютами, которые таковыми не являются. Большинство правительственных предупреждений отмечают риск, связанный с высокой волатильностью, и тот факт, что многие организации, которые облегчают транзакции, не регулируются государством. Большинство из них также отмечают, что граждане, которые инвестируют в криптовалюты, делают это на свой собственный риск и в случае потери они не смогут обратиться в суд.

Некоторые из зарубежных стран выходят за рамки простого предупреждения общественности и расширяют свои законы об отмывании денег, о борьбе с терроризмом и организованной преступностью, чтобы включить в них рынки криптовалюты. От банков и других финансовых учреждений, которые содействуют таким рынкам, требуется выполнять все операции с должной осмотрительностью и на основании законов. Например, Австралия и Канада действуют в соответствии с законами об отмывании денег и борьбе с финансированием терроризма.

Другие государства (Алжир, Боливия, Марокко, Непал, Пакистан и Вьетнам) запрещают любую деятельность, связанную с криптовалютами. У Катара и Бахрейна несколько иной подход, поскольку они запрещают своим гражданам заниматься какой-либо деятельностью, связанной с криптовалютами, на местном уровне, но позволяют гражданам делать это за пределами своих границ. Есть также страны, которые разрешают своим гражданам инвестировать в криптовалюты, но налагают не прямые ограничения, запрещая финансовым учреждениям на их границах облегчать сделки с криптовалютами (Бангладеш, Иран, Таиланд, Литва, Лесото, Китай и Колумбия).

В России Центральный банк РФ, ссылаясь на федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ, фактически набросил на криптовалюту ярлык денежного суррогата, совершенно не раскрывая понятия последнего, рынок криптовалют продолжает существовать и саморегулироваться, а судебная практика развивается в совершенно непредсказуемых направлениях.

В науке существует ряд работ в области гражданского права, посвященных проблемам юридической природы электронных денег, например, диссертационные исследования А.С. Генкина, Е.И. Дюдиковой, М.Е. Исаева. Проблемы квалификации и противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, нашли отражение в работах А.И. Бойцова, Л.А. Букаловой, В.В. Голубева, М.А. Простосердова. В трудах указанных авторов освещены проблемы противодействия общественно опасным проявлениям преимущественно в сфере экономической деятельности, в то время как специальные исследования правового статуса криптовалюты и преступлений в сфере ее оборота в теории уголовного права не проводились.

Нормативную основу исследования составляет гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. В процессе исследования изучению были подвергнуты все существующие в Российской Федерации акты и информационные сообщения правительственных и иных государственных органов, регулирующих оборот криптовалюты в России, а также формулирующих направления развития судебной практики в сфере оборота криптовалюты.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в результате анализа и обобщения материалов свыше 200 гражданских и уголовных дел, так или иначе связанных с оборотом криптовалюты в Российской Федерации. При подготовке статьи использовались в основном формально-логические методы.

Первым правовым актом в вопросе определения статуса криптовалюты в России является постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018, который указал, что по смыслу положений ст. ст. 213.25–213.27 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ в случае признания гражданина банкротом его имущество обособливается в конкурсную массу и реализуется финансовым управляющим для соразмерного удовлетворения требований кредиторов. Должник по своему усмотрению вправе владеть, пользоваться и распоряжаться содержимым криптокошелька как своим собственным имуществом, совершать в отношении него любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам, и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, т.е. осуществляет полномочия, близкие к полномочиям собственника, предусмотренным ч. 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации и ст. 209 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)¹, таким образом признав криптовалюту имуществом.

Вместе с тем этот единственный документ судебной практики скорее всего не будет определять такие же положительные направления в других отраслях права, в том числе и в уголовной политике, которая, как известно, аналогии закона не применяет. В связи с чем, несмотря на попытки отнесения криптовалют к имуществу, без законодательного определения границ легального оборота криптовалюты не будет и должной уголовно-правовой охраны ее как объекта или предмета посягательства [1, с. 63–68].

Судебная практика в Российской Федерации за годы активного внедрения криптовалют в гражданский оборот использовала различные термины применительно к ним. При этом в силу наибольшей популярности биткоинов среди

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668_2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения 25.10.2018).

остальных криптовалют судебные решения выносились именно в отношении последних, а не всех в целом.

С 2016 по 2018 г. в России судами общей юрисдикции вынесено свыше 200 судебных решений по искам прокуроров о блокировке сайтов в сети Интернет, содержащих информацию о криптовалютной деятельности и об обмене криптовалюты на фиатные деньги¹. В указанных судебных решениях криптовалюта биткоин определяется в качестве виртуального средства платежа и накопления (см., например, решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 5 июля 2016 г. по делу № 2-10224/2016).

В других судебных решениях, например, в приговоре Судебной коллегии Забайкальского краевого суда от 21 февраля 2017 г. по делу № 22-500/2017, криптовалюта биткоин именуется электронными деньгами.

В постановлении Шестого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2016 г. по делу № А73-6112/2015 биткоин называется виртуальными деньгами.

В решении Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 23 мая 2018 г. по делу № 2-1133/2018 биткоины определяются как денежные суррогаты, выпуск и оборот которых на территории Российской Федерации запрещен.

В решении суда по интеллектуальным правам от 07 сентября 2016 г. по делу № 368/2016, а также в определении Арбитражного суда Калининградской области от 8 октября 2018 г. по делу № А21-6208/2017 биткоин именуется платежной системой, расчетной единицей которой является сам биткоин.

В решении Арбитражного суда Ростовской области от 28 декабря 2018 г. по делу № А53-34904/2018 биткоин именуется цифровым товаром.

Вместе с тем ни одно из указанных определений, содержащихся во вступивших в законную силу судебных актах, не основано на законе и по сути является личным мнением судьи, вынесшего судебный акт.

Так, например, вывод судей о том, что криптовалюта является денежным суррогатом не основан ни на нормативно-правовом акте, ни даже на нормативном.

В информации Центрального банка Российской Федерации «Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности биткоин», опубликованной 27.01.2014 г., указано, «что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену "виртуальных валют" на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»².

¹ По данным системы ГАС Правосудие (дата обращения 28.12.2018).

² URL: http://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения 12.12.2018).

В соответствии со сложившимся в доктрине права мнением большинства ученых все нормативно-правовые акты в России делятся на законы и подзаконные акты, критерием такого деления выступает юридическая сила [2, т. 1 с. 156; 3, с. 190].

Постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.97 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» устанавливает, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются только «в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается».

При этом Центральный банк России в соответствии со ст. 7 федерального закона «О центральном Банке Российской Федерации» и п. 1.4 Положения о правилах подготовки нормативных актов Банка России № 602-П от 22.09.2017 определил, что нормативные акты Банка России могут издаваться в форме указания, положения или инструкции.

Таким образом, на наш взгляд, информация Центрального банка России, опубликованная на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не может быть отнесена к нормативно-правовым актам и не является обязательной для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, всех юридических и физических лиц.

Безусловно, криптовалюта как экономический и инновационный феномен будет рано или поздно признана регулятором на федеральном уровне, однако до этого момента судебная практика так же, как и наука права будут развиваться в абсолютно противоположных направлениях.

Основная проблема состоит в правильном понимании природы криптовалюты и принципов ее функционирования, которые должны быть разъяснены на законодательном уровне, или, как минимум, на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащего понятия и основные признаки криптовалюты, определяющие ее статус в России.

В зарубежном законодательстве в большинстве Европейских стран, в США, Канаде, Японии, Австралии криптовалюты имеют определенный статус и вопросов как в сфере экономических расчетов, так и в сфере уголовной политики не возникает [4, с. 116–128]. В Японии, например, криптовалюты включены в финансовый оборот наряду с национальной денежной единицей йеной.

Между тем криптовалюта представляет собой математический код и сама по себе стоимости не имеет, природа ее неосвязаема, при этом эмиссия криптовалюты децентрализована, что обусловлено принципами ее создания, т. е. не существует какого-либо частного или государственного банка, выпускающего криптовалюту, или одного компьютера или сервера, генерирующего её.

Криптовалюты, количество которых в мире достигает более чем 6 000 видов, имеют соответствующую цену определяемую их курсом, устанавливаемым участниками криптовалютных отношений на специализированных криптовалютных биржах. В связи с этим некоторые правоприменители пошли по пути квалификации соответствующих деяний, связанных с хищением криптовалюты, по совокупности ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации) и ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), но для такой квалификации необходимо наличие у виновного умысла на хищение именно имущества (денег), к каковым в настоящее время криптовалюта не относится. Практика применения ст. 159.6 УК РФ формируется в основном из хищений денежных средств с банковских карт или расчетных счетов через использование неправомерного доступа к специализированным компьютерным сервисам. Так, например, Следственным департаментом МВД России в ноябре 2018 г. направлено в Якутский городской суд Республики Саха Якутия уголовное дело в отношении граждан, «которые распространив в сети Интернет вредоносное программное обеспечение, получили доступ к компьютерам коммерческого банка, расположенного в городе Якутске, а также возможность дистанционно управлять его банкоматами и похитили 21,5 миллиона рублей, которые перевели в криптовалюты и вывели из Российской Федерации»¹. В данном конкретном случае действия виновных были правильно квалифицированы по совокупности ст. ст. 272 ч. 3, 273 ч. 3 и 159.6 УК РФ, поскольку похищены были именно денежные средства, которые только после незаконного изъятия были переведены в криптовалюты.

Если с юридической оценкой хищений денежных средств у правоприменителей сложностей не возникает, то с учетом отсутствия законодательного определения правового статуса криптовалюты и нарастающего количества преступных посягательств в сфере ее оборота возникает вопрос, насколько правильной будет квалификация хищения аналогичным способом путем распространения вредоносных программ или фишинга криптовалюты с криптовалютных кошельков по ст. 159.6 УК РФ, которая из всех существующих норм уголовного законодательства является наиболее приближенной по характеристикам состава преступления, либо по ст. ст. 158, 159 УК РФ.

На наш взгляд, можно было бы рассматривать квалификацию хищения криптовалюты по ст. 158 УК РФ (кража), однако согласно традиционному пониманию уголовного закона, при том, что в самом законе таких требований не содержится, предмет кражи может быть лишь осязаемая вещь, предмет материального мира [5, с. 244].

Также представляется невозможной квалификация хищения криптовалюты по ст. 159 УК РФ в совокупности со ст. 272 УК РФ, поскольку исходя из по-

¹ URL: <https://мвд.рф/news/item/14998743> (дата обращения 06.12.2018).

ложений пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман или злоупотребление доверием возможно в отношении конкретного лица, а не компьютерной системы, взламываемой при хищении.

И кроме того, мы вновь возвращаемся к тому, что предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, к которым криптовалюта не относится, однако учитывая, что криптовалюта, на наш взгляд, должна в судебной практике рассматриваться как иное имущество, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества, а учитывая отсутствие в диспозиции ст. 159.6 УК РФ обмана в качестве обязательного признака объективной стороны преступления, то наиболее правильной представляется квалификация хищения криптовалюты, совершаемой путем взлома компьютерных систем, по данной норме, в таком случае действия виновного лица полностью охватываются ст. 159.6 УК РФ без совокупности с другими нормами.

Таким образом, представляется, что наиболее правильной юридической оценкой хищений криптовалюты будет являться ст. 159.6 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

В вопросах квалификации коррупционных преступлений, предметом которых является криптовалюта, стоит обратиться к опыту Китая, в котором, несмотря на запрет Народного банка Китая осуществлять торговлю криптовалютами и первичное размещение монет, арбитражный суд постановил, что независимо от правового статуса биткоина в Китае криптовалюта должна защищаться контрактным правом, указав, что «биткоин обладает признаками собственности, которой можно владеть и контролировать. Он также может представлять экономическую ценность и преимущества»¹.

Таким образом, установив материальную ценность криптовалют, можно рассуждать об их коррупционной привлекательности как предмета преступления.

Преимущества криптовалюты перед наличными денежными средствами или иными ценностями, например, в качестве предмета взятки, являются значительными.

С юридической точки зрения если будет установлен факт незаконного получения каких-либо ценностей государственным служащим за совершение определенных действий, но при этом предметом взятки будет являться криптовалюта, безусловно, основания для привлечения лица к уголовной ответственности не

¹ URL: <https://letknow.news/news/sud-v-kitae-razreshil-vladet-kriptovalyutami-12611.html> (дата обращения 25.11.2018).

отпадут по той лишь причине, что криптовалюта представляет собой всего лишь запись в электронном реестре.

Вместе с тем сторонники мнения о том, что отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ (получение взятки), в случае, если предметом взятки выступает криптовалюта, в обоснование своих доводов ссылаются в основном на ст. 128 ГК РФ, а именно на то, что криптовалюта, не являющаяся объектом гражданских прав, не включена в гражданский оборот.

На наш взгляд, несмотря на то, что криптовалюта не включена в гражданский оборот законодательно, сама по себе она позволяет получить определенные имущественные права, конвертируемые в последующем в денежные средства, в связи с чем передача криптовалюты в качестве предмета взятки, на наш взгляд, позволяет квалифицировать эти действия как элемент выполнения объективной стороны дачи или получения взятки.

Исходя из имущественного характера выгоды предмета взятки в криптовалюте, незаконности ее предоставления за совершение действий или бездействия, связанных с использованием служебного положения должностного лица и получение ее должностным лицом, складывается определенная позиция, что в качестве предмета взятки не может выступать имущество не включенное в гражданский оборот.

Так, по мнению Н.Г. Иванова не может быть предметом взятки фактически оплачиваемая услуга, которая не является легитимной, например, предоставление сексуальных услуг, поскольку проституция в России незаконна [6, с. 707]. Аналогичная точка зрения и у Н.А. Лопашенко, которая полагает, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении имел в виду только те действия, которые носят или могут носить легальный характер, могут быть признаны услугами с точки зрения гражданского законодательства, поскольку именно с позиции гражданского законодательства в уголовном праве определяются понятия денег, ценностей и иного имущества [7, с. 64–65]. П.С. Яни, также полагает, что вопрос об отнесении к предмету взятки вещей и услуг, стоимость которых нельзя установить, поскольку они ограничены в обороте и их оборот противозаконен, пока не может быть решен положительно, указав на необходимость применения для оценки предмета взятки тех же инструментов, что и для оценки похищенного имущества [8, с. 23–28].

Вместе с тем наиболее аргументированной и приемлемой является точка зрения А.В. Наумова о том, что «обращение в данном случае к нормам гражданского права неубедительно ввиду того, что в гражданском праве речь идет о принципиально иных вещах. Гражданский кодекс Российской Федерации определяет вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, как объекты гражданских прав и не более. Правомерность или неправомерность природы соответствующих вещей не влияют на признание их вещами». «Любая услуга имущественного характера должна отвечать лишь одному условию – быть оплачиваемой» [9, с. 645–646].

В этой связи свойство предмета взятки в виде криптовалюты быть оплаченным, или по-другому иметь стоимостное выражение, делает его, на наш взгляд, полноценным предметом преступления.

Определившись с выводом о том, что криптовалюта может являться предметом коррупционного преступления, необходимо разобраться с правильной квалификацией такого деяния.

Так, например, по мнению прокурора Тульской области А.В. Козлова, взятка в биткоинах может быть квалифицирована лишь как покушение на преступление или приготовление к нему, так как криптовалюта это «что-то эфемерное, и в законодательстве о противодействии коррупции не прописано»¹.

Между тем наука уголовного права покушение на преступление или приготовление к нему относит к категории неоконченных преступлений.

Несмотря на то, что уголовное законодательство не содержит четкого определения неоконченного преступления, «исходя из понятия оконченного преступления и его признаков, можно сделать вывод, что неоконченным преступление признается в случае, если задуманные лицом действия (бездействие) не доведены до конца либо не достигнут преступный результат по не зависящим от этого лица обстоятельствам» [10, с. 31].

В соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Покушением на преступление в соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Таким образом, представляется очевидным, что передача криптовалюты в качестве предмета взятки не подпадает под указанные признаки неоконченных преступлений, наоборот, данные обстоятельства будут свидетельствовать о том, что виновное лицо выполнило в полном объеме объективную сторону преступления, доведя до конца свой умысел, равно как и лицо, получившее криптовалюту. Как покушение данное преступление можно было бы квалифицировать в случае, если в момент передачи (или перевода) криптовалюты действия виновных были бы пресечены сотрудниками правоохранительных органов. Соответственно как приготовление к даче взятки в криптовалюте можно было бы квалифицировать действия виновного по созданию условий для совершения преступления, к которым действия по передаче криптовалюты не относятся, так как выходят за рамки

¹ URL: <https://myslo.ru/news/tula/2017-12-12-tul-skij-prokuror-kozlov-bitkoin-vzyatkoj-ne-yavlyetsya-a-seks-uslugi-da> (дата обращения 25.11.2018).

приготовления к преступлению. На основании изложенного такое деяние должно квалифицироваться как оконченный состав преступления.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд теоретических и практических выводов, предложений и рекомендаций, направленных на правильное и эффективное применение уголовного закона в вопросах квалификации преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты.

Так, совершаемые путем взлома компьютерных систем хищения криптовалюты, которую, на наш взгляд, без сомнения, можно отнести к имуществу, наиболее обоснованно квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации) без совокупности с другими нормами.

При квалификации коррупционных преступлений, предметом которых является криптовалюта, необходимо в полной мере устанавливать наличие получаемой должностным лицом выгоды, а также имущественный (стоимостной) оплаченный характер предоставляемых услуг в виде перевода криптовалюты за совершение определенных действий или бездействия. При этом передача криптовалюты в качестве предмета взятки должна быть квалифицирована как оконченный состав преступления.

Между тем вопросы, возникающие в правоприменительной практике относительно квалификации незаконных деяний, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, могли бы быть разрешены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором должны содержаться определенные признаки установления наличия имущественных характеристик криптовалюты, а также ее признаки и свойства в целях правильной юридической квалификации преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Долгиева М.М. Криптовалютные финансовые пирамиды // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (45). – С. 63–68.
2. Теория государства и права: хрестоматия: В 2 т. Т. 2: Право / авт.-сост. М.Н. Марченко. – М.: Издательский дом, 2004. – 640 с.
3. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Российское юридическое образование, 2010. – 384 с.
4. Долгиева М.М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – С. 116–128.
5. Гладких В.И., Курчев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. В.И. Гладких. – М.: Новосибирский государственный университет, 2015. – 244 с.
6. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов. / Н.Г.Иванов. – М.: Экзамен, 2003. – 707 с.
7. Лопашенко Н.А. Предмет взятки: проблемы квалификации // Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. – М.: Юрист, 2002. – С. 64–65.

8. Яни П.С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. – 2017. – № 12. – С. 23–28.
9. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: В 2 т. Т. 2: Особенная часть. – М.: Юрид. лит., 2004.
10. Батычко В.Т. Уголовное право. Общая часть: конспект лекций. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. – 93 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Dolgieva M.M. Cryptocurrency financial pyramid // Bulletin of the far Eastern juridical Institute of MIA of Russia. – 2018. – № 4 (45). – P. 63–68.
2. Theory of state and law: reader: 2 vol. 2. Law / author–compiler M. N. Marchenko. – М.: JSC "Publishing house", 2004. – 640 p.
3. Morozova L. A. Theory of state and law. Textbook. 4-e Izd., pererab. I DOP. – М.: Russian legal education, 2010. – 384 p.
4. Dolgieva M.M. Foreign experience of legal regulation of relations in the sphere of cryptocurrency // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – P. 116–128.
5. Gladkikh V. I., V. S. Kurciev Criminal law of Russia. General and Special parts: Textbook. Under the General editorship of D. Yu.n. Professor V. I. Gladkikh. – Moscow: Novosibirsk state University, 2015. P. 244.
6. Russian criminal law. General and Special parts: Textbook for universities. / N. G.Ivanov. – М.: Publishing House "Examination", 2003. P. 707.
7. Lopashenko N.A. The bribe subject: problems of qualification // the Prevention of organised crime and corruption means different branches of law. – М.: Lawyer, 2002. – P. 64–65.
8. Yani p. S. Bribery: disputes on the content of the novelties of the criminal law and the position of the Supreme Court // Legality. – 2017. – N 12. Pp. 23–28.
9. Naumov A.V. Russian penal law. Course of lectures. In two volumes. Vol.2. Special part. – М.: Yurid. lit., 2004. P. 645–646.
10. Batycho V.T. Criminal law. Common part. Lecture notes. – Taganrog: Publishing house TRTU, 2010 – p. 93.